

жить ей руководителемъ въ духовной жизни, также обратиться къ Богу (т. е. въ католичество) ея семейство; наконецъ слѣдовать во всемъ откровенію, которое Богу угодно будетъ низпослать вамъ въ Москвитіи для соединенія этой великой церкви съ латинскою. Знаю, что рѣшимость огромна, но мнѣ извѣстна вѣра, дарованная вамъ отъ Бога, которою вы воодушевлены». Сорбонна, съ своей стороны, дала формальное полномочіе Жюбе (24 іюня 1728 г.), кончавшееся такъ: «мы не сомнѣваемся, милостивый государь, что вы *употребите все средства* для возбужденія въ почтеннѣйшихъ епископахъ русской церкви желанія обратиться вниманіе на важность этого дѣла».

Жюбе прибылъ въ Москву 20 декабря 1728 г., въ самый разгаръ власти и силы при русскомъ дворѣ Петра II родственниковъ его новой духовной дочери. Жюбе былъ человекъ уже пожилой (ему было 54 года) и ловкій на всѣ руки. Онъ старательно выставлялъ на показъ свою безупречную жизнь, свою воздержность, наконецъ знанія, для того чтобы сильнѣе былъ контрастъ съ тѣмъ, что Русскіе привыкли видѣть у себя передъ глазами. «Этотъ достойный пасторъ — по словамъ современника — Бурсье, доктора Сорбонны — соединялъ съ вкрадчивымъ обращеніемъ манеры, способныя для привлеченія умовъ. Каждый искалъ сообщества и бесѣды съ столь любезнымъ иностранцемъ и считалъ за честь быть знакомымъ съ нимъ». Въ началѣ обстоятельства видимо благопріятствовали Жюбе. Въ Москвѣ нашелъ онъ себѣ сильнаго покровителя въ испанскомъ посланникѣ, дюкѣ де-Лиріа. До какой степени послѣдній былъ пропитанъ католическою нетерпимостью, лучше всего видно изъ того, что когда его однажды пригласили къ нашему священнодѣйствію въ кремлевскій соборъ, то онъ сомнѣвался, можетъ-ли присутствовать при богослуженіи схизматиковъ и требовалъ разрѣшенія сначала отъ своего духовника, а потомъ изъ Рима. Испанскій посланникъ, какъ только узналъ о замыслахъ Жюбе, взялся ихъ поддерживать разными происками, а для огражденія его безопасности выдалъ Жюбе (1 марта 1829 г.) письменный видъ, что онъ посольскій духовникъ. «Чтобы имѣть болѣе возможности вести удобнѣе великое дѣло — замѣчаетъ Бурсье — и составить проекты, которые могли бы быть приняты, Жюбе убѣдилъ брата княгини Долгоруковой, князя Го-

лицына, уступить посланнику свой прекрасный загородный домъ. Здѣсь, въ величайшей тайнѣ, составлена была записка, доказывавшая духовныя и мірскія выгоды отъ соединенія церквей...» Вообще Жюбе успѣлъ на столько подвинуть свое дѣло, что уже началъ совѣщаться о соединеніи церквей съ Теофилактомъ Лопатинскимъ, Варлаамомъ Вонатовичемъ, Евфиміемъ Колетти и, кажется, съ Сильвестромъ, бывшимъ епископомъ рязанскимъ. Евфимій Колетти — по словамъ Жюбе — былъ особенно склоненъ къ его предложенію, потому что былъ врагомъ Теофана Прокоповича, котораго не терпѣли и вышеозначенныя лица. Изъ словъ самаго Жюбе видно впрочемъ, что они не очень поддавались на его предложенія и что всѣхъ ихъ страшили власть и притязанія римскаго двора. Несомнѣнно только то, что Жюбе былъ въ сношеніяхъ именно съ тѣми лицами, о которыхъ начались розыски при воцареніи Анны. Жюбе приказано было выѣхать изъ Россіи въ 1731 г., потому что онъ былъ признанъ опаснымъ человекомъ ¹⁾.

Такимъ образомъ можно полагать съ достовѣрностію, что виды Рибейеры совпадали съ видами Жюбе. Мы упомянули уже о нѣкоторыхъ русскихъ духовныхъ лицахъ, которыхъ они до нѣкоторой степени увлекли въ свою пользу и отъ которыхъ надѣялись содѣйствія при осуществленіи своихъ плановъ. Главнымъ изъ нихъ былъ новоспаскій архимандритъ Евфимій Колетти; но подлѣ него также знакомцемъ Рибейеры выдается бывший чудовскій архимандритъ Теофилъ Кроликъ, правда, не очень расположенный къ католичеству, но обстоятельствами введенный, можетъ быть незамѣтно для него самаго, въ сѣть католической пропаганды. Поводомъ къ сближенію его съ Рибейрой было можетъ быть то, что онъ жилъ прежде за границей, гдѣ видѣлся и работалъ вмѣстѣ съ іезуитами, объяснялся на иностранныхъ язы-

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ изданной въ 1753 г. въ Парижѣ книги: *Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu*, въ III томѣ которой на стр. 275 — 528 есть *Relation des démarches faites par les docteurs de Sorbonne pour la reunion de l'Eglise de Russie*. Извѣстіе это составлено докторомъ Сорбонны Бурсье, на основаніи его личныхъ воспоминаній, подлинныхъ документовъ и разсказовъ Жюбе.

Графъ Д. А. Толстой, въ сочиненіи своемъ *Le Catholicisme romain en*

кахъ и интересовался иностранными событіями¹⁾. Первый познакомился съ Рибейрою Кроликъ, проживавшій въ ту пору безъ всякаго дѣла въ новоспасскомъ монастырѣ. Это была упавшая

Russie (Paris. 1863, I. 164, 165) говорить о совращеніи Долгоруковой и о Жюбе на основаніи другаго источника,—именно *Histoire abrégée de l'Eglise metropolitaine d'Utrecht. Utrecht 1765.* — Въ статьѣ Пекарскаго: отзывъ о сочиненіи — Оеофанъ Прокоповичъ (Отчетъ о десятомъ присужденіи уваровскихъ премій Спб. 1868 г.) приведены изъ архивнаго дѣла, производившагося по Синоду и Кабинету при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, показанія самой Долгоруковой о совращеніи ея въ католичество и о помянутомъ Жюбе. «Въ бытность ея въ Голландіи съ 1726 года, за неимѣніемъ россійскаго священника исповѣдывалась и причащалась въ болѣзни въ томъ 1726 году, а потомъ, какъ и выздоровѣла, вторично, а въ 1727 году третично и у причастія была у римскаго ксенза Даленора, который-де жительство имѣлъ близъ Голландіи въ Гагѣ; понеже она грекороссійской вѣры съ римскимъ костеломъ никакого различія и несогласія простотою не разумѣла, и оный ксензъ въ разговорахъ сказывалъ ей, что-де какъ грекороссійская вѣра семь таинствъ почитаетъ, также и мы тѣ таинства почитаемъ-же; а хлѣбъ-де какъ подъ двѣма видами, такъ и подъ однимъ видомъ все едино, потому что-де одна Церковь: только-де въ происхожденіи Св. Духа нѣкое имѣетъ римская съ грекороссійской церковью разнствіе. А сперва-де въ исповѣдь и причастіе вступила къ нему ксензу по такому случаю, что какъ онъ ксензъ, такъ и прочіе ксензы и другихъ вѣръ, а именно католики и люторы, по тамошному обхожденію, въ квартирѣ у нихъ бывали неоднократно и она къ нимъ ѣзжала-жъ. И когда она въ первый разъ исповѣдывалась, и предъ тѣмъ временемъ оный ксензъ, по прежней знаемости, пришелъ къ ней княгинѣ на квартиру, объявя ей, что увѣдомился о болѣзни ея и пришелъ для посѣщенія, и притомъ по разговорамъ видя себя она, княгиня, въ тяжкой близъ смерти болѣзни, за неимѣніемъ тамо россійскаго священника, просила его, чтобъ онъ ее исповѣдалъ и причастилъ. А какъ потомъ выздоровѣла, двоекратно, по исповѣди того-жъ ксенза, причащалась въ костелѣ его Даленора, безъ публики, въ раннія мши, которыя для одной ея причастія и отправлялъ. — Римскій бѣлый попъ, который назывался Лакуромъ, изъ Голландіи пріѣзжалъ съ нею въ Россію не для содержанія ея княгини въ римской религіи, но для обученія ея дѣтей французскаго и другихъ языковъ, которъ и въ Голландіи ихъ, будучи для того ученія, обучалъ же. (Это показывала княгиня несправедливо, что потомъ объяснено самими католиками очень обстоятельно). Она-жъ, княгиня, по довольномъ отъ св. Синода увѣщаніи, въ приполненіе говорила: оный-де учитель при столѣ ихъ во время обѣда и ужина и о вѣрѣ, по случаямъ и времени, что какъ ихъ римская, такъ и грековосточная имѣются въ равности, разговоры имѣлъ, а никакой разни не

¹⁾ «Нѣкоторые изъ синодальныхъ членовъ — пишетъ Берхгольцъ — люди очень образованные и ученые, въ особенности архіепископы новгородскій и псковскій, и еще одинъ по имени Кроликъ, который говоритъ на многихъ языкахъ и, между прочимъ, довольно свободно объясняется по нѣмецки.» Дневникъ Берхгольца, IV, 113,

знаменитость духовнаго круга. Что было причиною его паденія, мы не знаемъ. Но для связности разсказа вспомнимъ его прежнюю исторію.

Съ 1716 по 1722 г. онъ находился за границей въ Прагѣ, для перевода Будеева нѣмецкаго лексикона на русскій языкъ. По возвращеніи въ Россію, опредѣленъ былъ въ Свнодъ ассес-соромъ ¹⁾ и посвященъ въ іеродіакона и іеромонаха. Въ слѣдую-

сказывалъ. А потомъ сказала: при столѣ-де ихъ тотъ ксензъ разговоры о вѣ-рѣ имѣлъ въ такой силѣ: хотя-де разность о происхожденіи Св. Духа и есть, только-де все единъ Богъ, какъ отъ Отца, такъ отъ Отца и Сына происходитъ, почему занеумѣніемъ и она тожъ разумѣла. А съ 1728 г., по приѣздѣ изъ Голлан-діи въ Россію, по 1732 г., она княгиня отцевъ духовныхъ не имѣла простотою своею, а наипаче отъ приключившихся ей печалей и домашнихъ суетъ безъ всякаго умысла и сумнѣнія. А какъ-де генералъ и кавалеръ графъ Ушаковъ въ 1732 году приѣхавъ къ ней княгинѣ въ домъ, объявилъ именной блаженныя памяти Государыни Императрицы словесный указъ, что-де велѣно ее княгиню спросить: чего ради она отца духовнаго не имѣетъ и чтобъ она исповѣдалась и причастилась, а отъ ея-де императорскаго величества и священникъ при-шлется, что-де она тогда-жъ и учинить обѣщалась. А потомъ того-жъ дня присланъ былъ къ ней кадетскаго корпуса іеромонахъ Лука, что нынѣ пре-освященный епископъ казанскій, и объявилъ, яко она находится въ католиц-комъ законѣ. На что-де она ему объявила, какъ и выше показано, что всту-пила въ духовность къ римскому ксензу въ болѣзни за неимѣніемъ въ Гол-ландіи російскаго священника.»—Княгиня по виду обратилась въ православіе, оставаясь скрытной католичкою. Въ 1746 г. 27 марта Императрица Елисавета Петровна, узнавши объ этомъ, дала именной указъ Свноду:... «дабы таковыя отметники отъ православныя Восточныя церкви, родившіеся въ православіи и отъ правовѣрныхъ родителей, въ нашей имперіи терпимы не были, а дру-гіе, на то смотря, отъ такой лукавой прелести остерегались» взять Долгорукову вмѣстѣ съ дѣтьми, въ Свнодъ для изслѣдованія и увѣщанія. Послѣ допросовъ и показаній изустнымъ повелѣніемъ Государыни приказано было князя Сер-гѣя Долгорукова съ сыномъ Николаемъ отослать въ саввинъ сторожевскій мо-настырь—перваго на годъ, а втораго на нѣсколько мѣсяцевъ; а за женою его и дочерью, княжною Анною, приказано строжайше наблюдать, чтобы онѣ исполняли всѣ обряды православной церкви. Два другіе сына, князья Александръ и Владиміръ, прибывшіе въ томъ же году изъ Парижа, по испытаніи ихъ въ Свнодѣ, оказались въ православно-восточной грекороссійской вѣрѣ и законѣ не тверды и сумнительны, почему и приказано было отправить ихъ для утверж-денія въ законѣ къ учителямъ александровской семинаріи.

¹⁾ Въ дѣлахъ Архива св. Свнода есть рѣчь его къ Свноду при назначеніи ассессоромъ, 26 марта 1722 г. Въ Памятныхъ Запискахъ Государя (Кабин. дѣла, I, № 31 л. 80), въ слѣдъ за замѣткой о благополучномъ вступленіи рус-скихъ войскъ въ главный городъ Гиланскій Ряцъ, неизвѣстной рукой написано: «сіе писано въ 25 день и отдано для меморіи Кролику, чтобы внести въ ка-занье, которое говорилъ того числа на благодарномъ молебнѣ 1723 года».

щемъ году, послѣ посвященія чудовскаго архимандрита Теофилакта Лопатинскаго въ тверскіе епископы, Государь приказалъ посвятить на его мѣсто въ архимандриты Теофила Кролика, и почти сряду за тѣмъ назначилъ его синодальнымъ совѣтникомъ. Теофилъ оставался въ Синодѣ до 16 декабря 1726 г.; потомъ отрѣшенъ отъ Синода и велѣно ему быть при своемъ монастырѣ. Въ мартѣ 1727 г., по указу изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Синодъ выбралъ и отправилъ его, вмѣстѣ съ троицкимъ протопопомъ Иваномъ Семеновымъ, въ Верховный Тайный Совѣтъ въ качествѣ депутатовъ съ духовной стороны къ сочиненію уложенія. Но еще до начала дѣйствій законодательнаго собранія онъ получилъ другое назначеніе. Въ маѣ 1727 года, по указу изъ Верховнаго Совѣта и, вѣроятно по проискамъ Дашкова, либо Игнатія Смолы, приказано было отправить его къ русскому войску, идущему за границу на помощь цесарцамъ, «ради искусныхъ съ чужестранными духовными людьми поступковъ». Это ужъ опала. «Который указъ — писалъ Кроликъ — хотя и безъ малой печали могъ быть мнѣ, для того, что по трудныхъ долгихъ службахъ моихъ, чрезъ дальное и бывшему чину моему не зѣло приличное странствованіе, лишалъ меня хоть соразмѣрнаго, трудомъ снисканнаго и надѣяннаго домашняго при архимандріи покоя; однако яко сынъ послушанія въ исполненіи того указа подписался со всякимъ покореніемъ и радостию, что хотя въ такомъ чину, бывшую мою вѣрную службу къ блаженной памяти высокимъ предкамъ имѣлъ случай продолжать къ ново тогда Богомъ избранному и счастливо начавшему владѣніе его императорскому величеству.» Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ другой указъ, которымъ велѣно было отрѣшить его отъ чудовской архимандріи, и отдать ее прежде бывшему архимандриту Геннадію. «Помянутый указъ — продолжаетъ Кроликъ — съ какимъ умерщвленіемъ, горестію и стыдомъ не токмо исполнять, но и слышать мнѣ прилучилося, хотя довольно изобразить трудно, ибо прежде того въ подобные короткіе походы отправляемые архіереи, архимандриты, іеромонахи и простые священники не токмо честей своихъ лишаемы не бывали, но и вянущимъ ихъ имп. величествъ призрѣніемъ снабждались, а я такъ сильнымъ указомъ не въ послѣднемъ степени поставленъ безъ суда и примѣру изверженъ. Но и тотъ тяжкій указъ съ послушаніемъ я